

ГРОМКИЕ УБИЙСТВА

Елена Владимировна Доброва
Светлана Александровна Хворостухина
Галина Анатольевна Гальперина
Людмила Николаевна Смирнова
Громкие убийства
Серия «Криминальные истории»

Текст книги предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164394

Громкие убийства: Вече; М.; 2003
ISBN 5-94538-271-X

Аннотация

На страницах этой книги содержатся сведения о самых громких убийствах, которые когда-либо были совершены человеком, об их причинах и последствиях. Перед читателем откроются тайны гибели многих знаменитых людей и известных всему миру исторических личностей: монархов и членов их семей, президентов, революционеров и современных политических деятелей, актеров, певцов и поэтов. Авторы выражают надежду, что читатель воспримет эту книгу не только как увлекательное чтение, но и задумается над тем, имеет ли право человек лишать жизни себе подобных.

Содержание

Введение	4
Как стать царем, или Похождения великого жреца	8
Месть Олимпиады	17
Трагедия у Курциева бассейна	25
Братоубийство в Древней Руси	31
Слабоволие правителя – гибель для государства	40
Королевская «милость»	53
За что убивали королевских жен?	58
Путь конкистадора	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

ГРОМКИЕ УБИЙСТВА

Введение

И так, вы открыли книгу, которая посвящена громким убийствам. Сразу следует оговориться, что на ее страницах не нашлось места маньякам, подобным всем известным Джеку-потрошителю или Чикатило. Стоит ли этим людям посвящать целые книги? Да и можно ли вообще называть людьми этих человекоподобных существ? Скорее всего, эта книга является кратким историческим экскурсом и рассказывает главным образом о политических преступлениях, если можно назвать этим термином убийство Лжебардии, выдававшего себя за сына царя Кира в VI веке до н. э., или царя Македонии Филиппа II.

Авторы книги постарались уделить внимание знаменитым представителям каждой исторической эпохи от начала мира до наших дней и рассказать не только об их нередко загадочной гибели, но изложить также и не менее интересные биографические данные, без которых порой невозможно бывает понять, что послужило поводом для убийства человека.

Одна из главных заповедей Библии гласит: «Не убий», тем не менее первыми нарушили ее именно библейские персонажи: Каин убил своего брата Авеля. Убийство, самое страшное из того, что может совершить человек с себе подобным,

во все времена, начиная с зарождения мира, считалось самым тяжелым преступлением, за которое карала религия и преследовал закон. Виновных в смерти человека неизменно ожидало суровое наказание, однако число таких преступлений не уменьшалось. Убийства продолжали и продолжают совершаться. Причем современные убийцы ведут себя ничуть не гуманнее, чем, например, их средневековые соратники по «ремеслу».

Почему же человек, существо, которое в отличие от животных обладает интеллектом, способно совершать жестокие убийства? Что толкает людей на подобные злодеяния? У любого преступления должен быть какой-то мотив. Причинами убийства чаще всего становились богатство, власть, стремление достичь более высокого положения в обществе или нечестным путем занять чье-то место, кровная месть или устранение тех, кто высказывал нежелательные суждения или вмешивался в дела сильных мира сего.

Кстати, в настоящее время все чаще фигурирует последний мотив. Вместе с крахом социалистического строя в нашу повседневную жизнь постепенно вошло понятие «заказное убийство», исполнителями которого являются вторые лица, действительные же его организаторы остаются в тени. При этом физическому устранению подвергаются лица, которые стремятся восстановить справедливость в нашем запутавшемся в обмане и коррупции мире, как, например, корреспондент «Московского комсомольца» Дмитрий Холодов

или те, кто пытается ввести честные правила игры в доходный бизнес, как Владислав Листьев, который стремился навести порядок с распределением рекламного времени на Общественном Российском телевидении. К сожалению, такие тщательно спланированные убийства чаще всего оказываются нераскрытыми, и виновные в совершении этих преступлений до сих пор гуляют на свободе.

В глазах миллионов людей убийце нет оправдания, несмотря ни на какие обстоятельства и доводы, которые ослабляют его вину. Даже если убийство совершено без злого умысла, а в целях защиты от нападения и ради спасения собственной жизни, оно все равно остается убийством. По закону защищавший себя таким образом человек не считается убийцей и не несет уголовной ответственности, но в этом случае свой суд вершит его совесть. Человек, не желая того, наказывает себя морально.

Если согласиться с утверждением, что никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать убийства, то встанет закономерный вопрос: а как же смертная казнь? Считать ее убийством или все-таки высшей мерой наказания? Споры на этот счет не прекращаются до сих пор. Можно согласиться со смертной казнью того, кто представляет определенную опасность для человечества, чтобы пресечь попытки новых кровавых злодеяний с его стороны. Например, для серийного убийцы или сексуального маньяка смертная казнь будет хотя и суровым, но, на наш взгляд, справедливым наказани-

ем.

С другой стороны, разве можно считать простым наказанием расстрел несовершеннолетних членов царской семьи или жестокое убийство сестры последней российской императрицы Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Михайловича, его секретаря, трех сыновей великого князя Константина и князя Владимира Палея, которых сбросили в глубокую шахту, после чего забросали гранатами? Хотя эта расправа и носила название казни, все же больше к ней подходит определение садистского убийства. В чем можно было обвинить малолетних царевичей и царевен? Только лишь в их происхождении. Именно поэтому авторы этой книги поместили на ее страницах описание тех казней, которые смело можно назвать громкими убийствами, заклеившими вечным позором их беспощадных исполнителей.

По мнению Фрейда, в основе всех человеческих импульсов лежит агрессивность, некий животный инстинкт, поэтому и совершаются испокон веков кровавые злодеяния. Но будем надеяться, что эволюция когда-нибудь исправит и этот недостаток, а человечество наконец достигнет такого уровня интеллектуального развития, что сумеет преодолеть собственную жестокость и агрессивность по отношению к ближнему.

Как стать царем, или Похождения великого жреца

Жрец и прорицатель Мидии Гаумата (?—521 до н. э.) вошел в историю «благодаря» тому, что после убийства настоящего наследника персидского трона, сына царя Кира Бардии, самовольно занял его место. Это ставшее впоследствии знаменитым убийство произошло в далекие века, в 522 году до н. э. Спустя всего лишь год после случившегося Гаумата поплатился жизнью за свое преступление перед персидским народом – его самого убили заговорщики, во главе которых стоял будущий правитель страны Дарий I.

Сохранившиеся до наших дней памятники древней письменности свидетельствуют о том, что царь Персии Камбис слыл вспыльчивым и злопамятным человеком. Именно по его приказу был убит его родной брат Бардия, которого владыка считал своим соперником и врагом.

После того как наемники пришли к Камбису и доложили о выполнении приказания, царь повелел устроить пышный пир, куда было приглашено множество гостей. Под игру музыкантов и звон тяжелых бокалов, до краев наполненных сладковатым вином, приглашенные чествовали справедливого и мудрого царя.

Со дня убийства прошло немало дней. К тому времени

Камбис уже перестал даже вспоминать о том, что стал братоубийцей. Великий владыка наслаждался своей властью. Он предпринимал военные походы, вершил суды над злоумышленниками, изменниками и нечестивцами. Куда бы он ни пришел, всюду слышал только хвалебные речи, произносившиеся в его адрес.

Во всей полноте жестокий характер Камбиса раскрылся после завоевания его армией Египта. Письменные источники говорят о том, что желанию персидского царя убивать и властвовать не было тогда границ. Войско Камбиса безжалостно уничтожало все, что могло свидетельствовать о существовании самобытной культуры египтян. Так были стерты с лица земли египетские храмы и древние постройки. Не щадили персидские воины даже считавшихся в Египте священными животных.

Однако всему есть предел. Жестокость и злоба Камбиса не могли существовать вечно. Казалось, боги только ждали удобного момента для того, чтобы призвать персидского царя к ответу перед высшим судом.

Многие приближенные персидского царя оказались лишенными дара речи, когда узнали о том, что воскрес из мертвых убитый Камбисом Бардия. Как выяснилось впоследствии, возвращение Бардии на землю имело вполне логическое объяснение.

В то время в главном городе Персии жили два родных брата. Старший из них состоял на службе при дворе Камби-

са и выполнял обязанности управляющего. Другой же брат, Гаумата, внешне был очень похож на убитого Бардию. Необходимо заметить, что оба брата хорошо владели искусством прорицания и гипнотического воздействия. А потому им не стоило большого труда «воскресить» убитого наследника трона.

В то время, пока Камбис находился в Египте, управляющий уговорил своего брата Гаумату представиться воскресшим сыном владыки Кира. Спустя несколько дней после того тайного разговора Гаумата объявил себя царем Персии и назвался Бардией. А еще через некоторое время Камбис получил известие о том, что власть в стране перешла к восставшему из мертвых Бардий.

Тогда разъяренный Камбис призвал к себе наемного убийцу, которому когда-то было приказано убить Бардию. Царь спросил своего подданного, почему тот не выполнил его приказание. Однако наемник утверждал, будто он выполнил то, что ему было поручено владыкой Персии. Он сказал: «Это весть ложная! Я сам исполнил твой приказ и похоронил Бардию!»

Камбис задумался. Ведь никто из приближенных и рядовых персов даже не догадывался о том, каким образом жестокий и мстительный человек занял место на царском троне, которое по справедливости было предназначено для его брата. Никто не мог знать о том, что могущественной страной управляет самозванец. И никто никогда не должен

узнать об этом! Так решил Камбис.

Спустя некоторое время персидская армия, возглавляемая Камбисом, двинулась в сторону Персии, чтобы наказать объявившегося там самозванца и восстановить власть «настоящего» царя. Однако в пути Камбис тяжело поранил ногу, в результате чего и скончался через несколько дней. Таким образом, в Персии остался только один царь – новоявленный Бардия.

Одна за другой провинции стали присягать на верность новому царю Персии. У Гауматы-Бардии появилась своя армия. Все без исключения поверили в то, что трон занял не кто иной, как сын великого владыки Кира. На всех базарах и караванных дорогах люди прославляли и чествовали воскресшего Бардию. В знак милосердия и всепрощения царь объявил тогда об освобождении персиян от уплаты налогов и службы в армии в течение трех лет.

Народ ликовал: ведь Всевышний ниспослал им справедливого правителя! Одни только придворные словно предчувствовали неладное. Дело в том, что за несколько месяцев правления царь ни разу не пригласил их ко двору. Тогда перед ними возникло сразу несколько вопросов: почему Бардия никогда не выходит к народу, почему он не желает видеть своих верноподданных?

И тогда кто-то из придворных спросил: «Может быть, это не настоящий Бардия?» Было решено проверить царя. Дочь одного из придворных жила в гареме персидского царя. Че-

рез нее-то подданные и надеялись узнать, настоящий ли их царь или самозванец.

Спустя несколько дней Федима получила записку. На маленьком клочке бумаги было написано: «Федима, дочь моя, правда ли, что человек, который теперь муж твой, сын Кира?» Однако определенного ответа на мучивший их вопрос придворные не смогли получить. В ответном послании Федима написала: «Не знаю, настоящий ли это сын Кира, мы в гареме не знаем чужих мужчин, и раньше Бардии я никогда не видала».

Но придворные не отчаялись после того, как получили такой ответ от Феди́мы. В следующем письме они просили ее о том, чтобы она разузнала обо всем у Атоссы, которая должна была хорошо знать своего мужа. Однако и в тот раз Федине не удалось ничего выяснить. В ответной записке они написала: «Как только этот человек сделался царем, он отделил нас одна от другой».

Такого при дворе не было никогда. Ответ Феди́мы на последнее послание отца насторожил всех придворных. Но отец Феди́мы нашел-таки способ раскрыть самозванца. Как-то раз ему на ум пришел рассказ о том, что давным-давно за неизвестно какую провинность царь Кир распорядился отрезать магу и жрецу Гаумате уши. «Итак, – подумал придворный, – уши – вот главный признак, по которому можно определить настоящего царя».

В тот же вечер Федима получила новое послание от отца.

Он писал: «Когда царь уснет, ощупай его уши. Если он окажется с ушами, то знай, супругом имеешь сына Кира. Если без ушей, то живешь ты с магом».

Долгое время Федима не решалась притронуться к голове своего супруга. Ведь в том случае, если бы он догадался о том, что одной из обитательниц гарема известна его тайна, в тот же час она была бы убита. Однако отважная девушка все же решила докопаться до истины и узнать, настоящий ли перед ней царь Персии.

Наутро в дом одного из придворных тихо постучали. Хозяин открыл дверь и увидел перед собой евнуха царского гарема. Тот протягивал ему записку. Придворный сразу же узнал почерк дочери, хотя все буквы, казалось, плясали, свидетельствуя, видимо, о большом волнении писавшей. В записке было всего лишь два слова. Федима сообщала: «Ушей нет».

В тот же вечер у придворного собрались те, кто желал вывести царя-самозванца, что называется, на чистую воду. Однако перед тем, как поведать о том, что удалось узнать, хозяин дома взял с каждого гостя слово хранить в тайне узнанное. Только тогда он рассказал о том, кем на самом деле являлся их горячо любимый и уважаемый повелитель Бардия. Один из присутствовавших в отчаянии воскликнул: «Лучше бы я ничего не знал!»

И в самом деле, тайна оказалась страшной. Ведь каждый из придворных мог быть немедленно казнен, стоило только

Гаумате раскрыть их заговор. В тот день придворные решили затаиться на время и не предпринимать никаких действий, поскольку у них не было ничего, кроме их умных голов. Да и те могли в любую минуту слететь с плеч...

Действительно, каждый из них мог быть казнен... Каждый из них... «Только не тот, кто первым доложит обо всем царю», – так подумали все присутствовавшие в доме отца Федимы. Вероятнее всего, они все тотчас после встречи направились бы прямо во дворец, чтобы донести о заговоре. Наверное, так бы и случилось, если бы сын царского наместника Дарий не заявил: «Мы должны действовать сегодня же! Если сегодняшней день будет упущен, я сам донесу обо всем магу!»

В то время, пока заговорщики обсуждали план своих будущих действий, их потенциальные жертвы не дремали. Они будто предчувствовали, что править им осталось совсем немного. Для того чтобы укрепить свою власть, жрецы решили обратиться за помощью к известному и уважаемому в то время среди персов человеку по имени Прексасп.

Обращаясь к Прексаспу с просьбой о содействии, маги надеялись пробудить в нем ответное злобное чувство по отношению к сыновьям Кира. А причина для мести существовала. Ведь когда-то Кир жестоко наказал Прексаспа, лишив его единственного сына.

Однако жрецы желали расположить к себе Прексаспа, руководствуясь не только тем, что он пользуется уважением у

персидского народа. Дело в том, что маги попросту боялись всеведущего мудреца, который, по их мнению, давно уже догадался, кто управляет страной. Тем не менее Прексасп согласился помочь самозванцу укрепить власть. А для этого от него требовалось всего лишь подняться на башню и объявить собравшемуся народу о том, что владыка Персии – сын царя Кира.

На следующее утро Прексасп взошел на вершину башни. Тысячи глаз присутствовавших устремились на него. Тогда Прексасп заговорил. Он рассказал о том, с кого начался род Кира, как тот стал царем Персии, какими были его сыновья. Долго говорил мудрец. Маги совсем уж было успокоились, думая, что вот-вот сейчас Прексасп скажет и о них свое хвалебное слово. Каково же было их изумление, когда они услышали, как он призывает персидский народ к бунту против самозванца. Сказав последние слова, Прексасп бросился вниз с башни.

Кто знает, что стали бы делать маги после того, что случилось на главной площади столицы. Однако в то время на место, где собрались жители главного города Персии, уже прибыли заговорщики, возглавляемые Дарием. Увидев приближавшихся всадников, маги поспешили скрыться в своем дворце.

Необходимо заметить, что все заговорщики происходили из достаточно знатных семей. А потому царские стражники не посмели противостоять им и впустили во дворец. Един-

ственным препятствием на пути освободителей персов стали несколько евнухов, которые попытались остановить заговорщиков перед входом в главный зал дворца. Однако все они тут же были убиты на месте ударами кинжалов.

В то время, пока заговорщики сражались с евнухами, маги попытались убежать из дворца. Однако это им не удалось, поскольку из дворца вела одна—единственная дверь. Долгое время заговорщики не могли проникнуть в главный зал. Но вот дверь поддалась, и они оказались перед самозванцем.

Тот стоял перед ними и держал наготове лук со смертоносной стрелой. Но воспользоваться оружием Гаумате не пришлось. Внезапно из-за спины на него напал один из заговорщиков. Через секунду к ним подоспел и Дарий. Несколько секунд он в нерешительности стоял над борющимися. А затем высоко поднял кинжал и нанес магу сильный удар в спину. Тот вскинул руки, затем попытался было вытащить нож из спины и, наконец, замертво рухнул у ног заговорщиков.

После бунта царем Персии был объявлен Дарий. Геродот, описывая годы царствования, называет его Дарием I. В память о тех событиях новый царь приказал высечь на огромной скале, стоявшей на дороге, которая вела из Тегерана в Багдад, рассказ о том, как удалось победить самозванца. Последняя фраза древнего повествования гласит: «Дарий убил мага и стал царем».

Месть Олимпиады

Великий царь Македонии Филипп II был великолепным стратегом. Он провел ряд реформ, благодаря которым его государство превратилось в одно из сильнейших в греческом мире. В планы дальнейших преобразований Филиппа II входило объединение всех греков в борьбе против давнишнего врага – Персидской державы. Однако Филиппу не суждено было воплотить в жизнь свой замысел.

В то время как Македония готовилась к войне с Персией, ее царь решил развестись со своей женой Олимпиадой, матерью наследника престола Александра, чтобы жениться на другой. После женитьбы царя была назначена свадьба его дочери, которая должна была выйти замуж за эпирского царя Александра. Произошло это событие летом 336 года до н. э.

Свадьба проходила в Эгах – древней столице Македонии. Большой праздник, устроенный Филиппом, был своеобразной демонстрацией всем балканским подданным, эллинам и македонцам могущества Македонской державы, а также символом восстановления семейного мира.

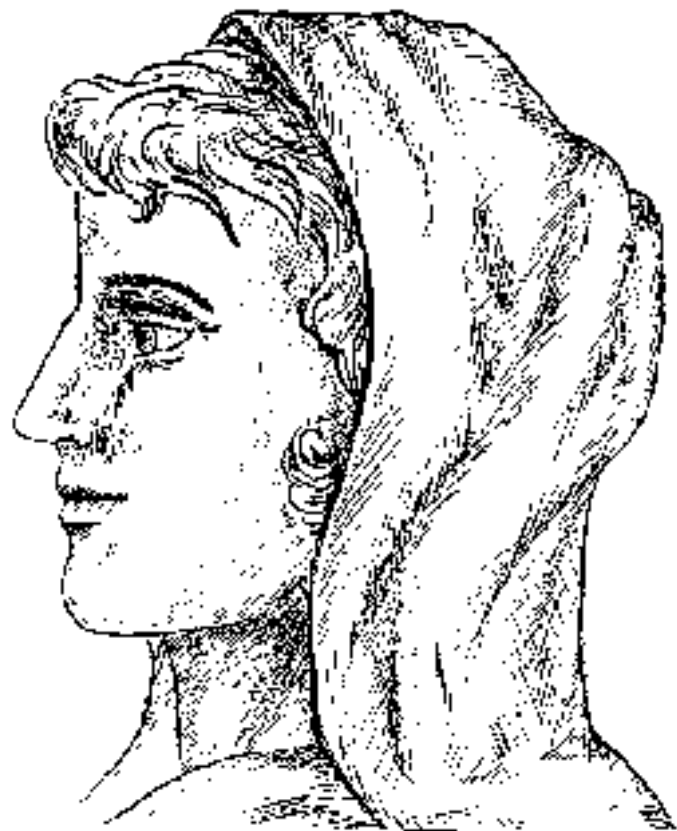
Царь Македонии Филипп II

В празднествах, которые продолжались несколько дней, принимали участие царь и его приближенные, посланцы со всей Македонии, от греческих городов, иллирийских и фракийских племен. Апогеем свадебной церемонии должна была стать торжественная процессия, после которой предполагались игры в театре.

Во время процессии Филипп шел между сыном и зятем в окружении царской охраны. Когда царь вошел в узкий проход, ведущий в театр, его телохранитель Павсаний нанес Филиппу смертельный удар кинжалом. Сраженный царь рухнул на землю. Пытавшийся бежать убийца также нашел свою смерть. Официальной версией покушения была объявлена кровная месть Павсания, однако многие македонцы считали причастными к убийству своего царя также и бывшую жену Филиппа Олимпиаду, его сына и зятя.

Кто же все-таки направлял руку убийцы? На этот вопрос ответ так и не был найден.

В результате расследования были сделаны следующие выводы: Павсаний якобы хотел отомстить опекуну второй жены Филиппа Атталу, который был гомосексуалистом и надругался над ним, царю же он отомстил за то, что он не позволил предать Аттала суду

Олимпиада

Подобное объяснение выглядит довольно правдоподобным, однако существует все-таки одна неувязка: слишком много времени прошло со дня преступления Аттала до того момента, когда Павсаний вдруг решил ему отомстить. Этот факт наводит на мысль, что политические противники Филиппа вполне могли использовать жаждущего мести юношу в своих корыстных целях. По этой причине и были казнены многие недовольные представители знати, а также те, кто был заподозрен в тайном желании бежать к персам. Вполне возможно, что Александр решил воспользоваться удобным случаем, чтобы таким образом убрать со своего пути возможных соперников, претендующих на царский трон, в том числе и других потомков Филиппа по мужской линии.

Пожалуй, наиболее достоверной из всех версий представляется причастность к убийству бывшего супруга Олимпиады. Недаром она получила прозвище эпирской ведьмы. Будучи от природы суровой и властной женщиной, Олимпиада вполне могла отомстить Филиппу за предательство по отношению к ней. Возможно, она преследовала и еще одну, куда более важную цель: помочь своему сыну занять царский престол, который в сложившихся обстоятельствах вполне мог ускользнуть из его рук. Тем более что между Филиппом и

Александром сложились далеко не безоблачные отношения, которые могли еще более ухудшиться в связи с рождением нового наследника престола. Александр же, скорее всего, не догадывался о преступных действиях своей матери. К тому же сама Олимпиада навлекла на себя подозрение тем, что по возвращении в Македонию ухаживала за могилой Павсания.

Поскольку Александр обладал поистине рыцарской натурой, был гордым и благородным человеком, то можно предположить, что он не смог бы совершить низкий и подлый поступок, который навсегда обесчестил бы его имя.

Что же касается участия в заговоре персов, то об этом известно следующее. Например, через три года после гибели своего отца Александр утверждал, что персидский царь Дарий нередко хвастался своими связями с убийцами Филиппа. Однако достоверность этих слов вызывает справедливые сомнения по двум причинам. Во-первых, в то время царю Македонии необходим был повод для того, чтобы объявить войну персам, а, во-вторых, подобное заявление отводило подозрение от его матери.

Александр Македонский

Как бы то ни было, если считать виновной в убийстве Филиппа II Олимпиаду, то предусмотрительная царица смогла достичь своей цели: она снова утвердилась в царском до-

ме, уничтожив свою соперницу – вторую жену Филиппа и ее маленького ребенка, которые были убиты по ее приказанию. Кроме того, жестокие репрессии, которым подверглись потенциальные противники царской власти, способствовали тому, что Александр наконец стал полноправным правителем Македонии.

Трагедия у Курциева бассейна

В начале нашей эры Римская империя вступила в эпоху наивысшего расцвета. Несмотря на то что многие императоры, получавшие в свои руки безграничную власть, использовали людские и материальные ресурсы государства лишь себе во благо, в империи продолжали развиваться ремесла, торговля и сельское хозяйство, по-прежнему наблюдался рост городов.

Довольно часто на троне оказывались люди ничтожные, недостойные быть правителями великой империи. Некоторые из них задерживались на троне на несколько месяцев, другие же не могли удержаться и нескольких дней. Случалось, что в различных провинциях империи провозглашалось сразу несколько претендентов на трон. В такой ситуации гражданская война оказывалась печальной неизбежностью.

Век императоров с полным правом можно назвать временем мятежей и заговоров, поскольку всегда появлялись люди, мечтавшие получить неограниченную власть и занять трон.

За многолетнюю историю Римской империи в результате мятежей и гражданских войн погибло более 20 императоров и большое количество важных политических фигур.

В середине I века н. э. на императорский трон взошел Сер-

вий Сульпций Гальба. Родился он в 3 году до н. э. в семье состоятельного патриция, и, казалось, ничто не предвещало ему стать правителем Римской империи. Но судьба распорядилась иначе...

Правление Гальбы оказалось относительно недолгим. В январе 69 года против него поднял мятеж Отон, наместник одной из римских провинций. Правитель Лузитании был обижен тем, что Гальбу, а не его назначили наследником трона.

В то время успех мятежа во многом определялся поведением императорской гвардии. Решая, на чьей стороне удобнее выступить в тот или иной момент, воины-преторианцы предопределяли ход истории. На этот раз удача оказалась на стороне Отона, императорская гвардия поддержала притязания наместника Лузитании.

Вместе с верными людьми Гальба был вынужден укрыться во дворце под охраной легионеров. Заговорщики, не имевшие необходимых сил для осады, стремились во что бы то ни стало выманить императора из дворца.

Вскоре по городу поползли слухи, что преторианцы перешли на сторону законного правителя Римской империи, что восстание мятежного Отона подавлено, что все войска верны императору и собираются у городских стен, чтобы поздравить его.

Известный римский историк, автор знаменитого восьмитомного труда «О жизни двенадцати цезарей» Гай Тран-

квилл Светоний, живший и творивший во второй половине I – первой половине II века н. э., так описывал события 69 года: «Уверенный в своей безопасности, Гальба вышел на улицу, чтобы встретить войска. Когда какой-то солдат ему похвастался, что убил Отона, он только спросил: ”По чьему приказанию?”“

Вскоре император достиг форума, главной площади города. Здесь его уже поджидали мятежные воины, которым было поручено совершить казнь.

Всадники еще издали увидели приближавшегося Гальбу. Они попрिдержали коней, а потом бешеным галопом понеслись на ни о чем не подозревавшего императора. Немногочисленная охрана, сопровождавшая Гальбу, разбежалась.

Описывая гибель императора в своем главном труде, Светоний сообщал, будто некоторые современники слышали, как Гальба воскликнул: «Что же вы делаете, соратники? Я ваш, и вы мои!», он даже пообещал убийцам щедрые подарки, если они вложат мечи в ножны. Другие же очевидцы утверждали, что Гальба сам подставил палачам свою шею и велел делать свое дело.

«Удивительнее всего то, – писал Светоний, – что никто из присутствующих не попытался помочь императору. Все вызванные на помощь войска не послушались приказа, за исключением лишь германских ветеранов: благодарные за недавнюю заботу об их больных и слабых, они бросились на помощь, но по незнанию мест пустились дальним обходным

путем и опоздали».

Тацит (1—2 века н. э.) в своей «Истории» описывал смерть Гальбы несколько иначе. Этот древнеримский историк утверждал, что императора предала вся армия, даже его личная охрана: «Завидев приближающихся преторианцев, знаменосец отряда, охранявшего Гальбу, сорвал с древка изображение императора и бросил его на землю. Это значило, что армия целиком перешла на сторону Отона».

Народ, толпившийся как обычно на главной площади города, был разогнан вооруженными всадниками. Отон не хотел, чтобы люди стали свидетелями расправы с неугодным правителем.

«Носильщики императора дрожали от страха, — писал Тацит. — Возле бассейна Курция Гальба вывалился из носилок и покатился по земле.

Последние слова Гальбы передают по-разному те, кто ненавидел его, и те, кто им восхищался. Одни утверждают, что он молил объяснить, в чем его вина, и просил даровать ему несколько дней жизни, дабы успеть раздать солдатам деньги.

Большинство же рассказывает, что он сам подставил убийцам горло со словами: «Делайте, что задумали, и убейте меня, если так нужно для государства». Впрочем, убийцам было все равно, что он говорит».

Уже в начале II века н. э. историки не могли точно назвать имени палача Сервия Сульпия Гальбы. По свидетель-

ству одних, это был ветеран Теренций, другие утверждают, что императора убил преторианец Леканий. Но чаще всего называют имя солдата пятнадцатого легиона Камурия. Якобы именно этот человек проткнул мечом горло Гальбы (его грудь была защищена железным панцирем), а остальные воины в дикой злобе нанесли мертвому обезображенному телу многочисленные ранения, изрезали руки и ноги.

Рассказ Светония дополняет эту историю жуткими подробностями. Называя, как и Тацит, местом убийства Гальбы бассейн Курция, историк утверждает, что тело поверженного императора лежало там до тех пор, пока какой-то рядовой солдат, возвращавшийся с выдачи пайка, не отрубил ему голову.

«Так как ухватить ее за волосы было нельзя, он сунул ее за пазуху, а потом поддел пальцем за челюсть и так преподнес Отону, – говорится в знаменитом труде Светония. – Отон отдал ”подарок“ обозникам и харчевникам, и они, потешаясь, носили голову императора на пике по лагерю с криками: ”Красавчик Гальба, наслаждайся молодостью!“ Главным поводом к этой дерзкой шутке был распространившийся незадолго до этого слух, будто кто-то похвалил его вид, еще цветущий и бодрый, а он ответил: ”Крепка у меня еще сила!“

Известно, что позже голову убитого императора у «шутников» приобрел за 100 золотых вольноотпущенник Патробия Нерониана, жестокого человека, казненного по приказу Гальбы.

Лишь через несколько месяцев после произошедшего тело и голова убитого императора были преданы земле. Управляющий Аргив похоронил Гальбу в его собственных садах, расположенных в районе Аврелиевой дороги.

Братоубийство в Древней Руси

В 1015 году умер знаменитый князь-креститель Владимир I, младший сын князя Святослава Игоревича, прозванный в народе Красным Солнышком. Его мудрое правление способствовало расцвету Древнерусского государства, росту городов, ремесла и уровня земледелия.

Смерть Владимира резко изменила положение в государстве. Его сыновья (всего их было одиннадцать), забыв о единстве, вступили на путь кровопролитных междоусобиц, приведших к ослаблению некогда могущественной Киевской Руси. Жертвами этих усобиц становились не только простые люди, но и представители княжеских родов.

Убийство брата братом – вот характерная особенность той эпохи. Первыми жертвами честолюбивых замыслов старшего брата стали младшие сыновья киевского князя Владимира Красное Солнышко Борис и Глеб.

Еще при жизни отца, примерно в 987—989 годах, Борис получил во владение Ростовское княжество, а Глеб – Муромское. Руководствуясь советами отца править честно и справедливо, молодые князья осуществляли на подвластных им территориях всевозможные мероприятия, направленные на поддержание порядка и укрепление княжеской власти.

Известие о смерти отца и вокняжении в Киеве старшего брата Святополка сильно опечалило Бориса и Глеба. О че-

столюбивых замыслах князя Туровского, прозванного Окаянным за суровый нрав, в те годы ходили разные легенды.

Многие современники считали, что Святополк ни перед чем не остановится для достижения своей заветной цели – великокняжеского киевского престола. Он даже пойдет на убийство братьев, главных конкурентов в борьбе за первенство.

Опасения древнерусских людей оправдались: в 1015 году Святополк жестоко расправился со своими младшими братьями.

Об этой трагедии рассказывается в «Повести временных лет», первом общерусском летописном своде, а также в ряде других древнерусских летописей.

Согласно свидетельству летописцев, Святополк, вступивший на киевский престол, пытался задобрить киевлян дорогими подарками, но все его усилия пропадали зря. Симпатии горожан были на стороне любимого сына Владимира, молодого князя Ростовского Бориса, находившегося в то время в походе против врагов Древней Руси, кочевников-печенегов. Весть о смерти отца достигла ушей Бориса как раз в тот момент, когда он со своим войском возвращался из южнорусских степей. Не желая соперничать со старшим братом, Борис отказался идти на Киев и остановил свои полки на берегу речки Альты.

Борис и Глеб

Вот как об этом рассказывает летописец: «Сказала же ему дружина отцовская: ”Вот у тебя дружина отцовская и войско: пойди сядь в Киеве на отцовском столе“. Он же отвечал: ”Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца“. Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками“.

Молодой ростовский князь полагал, что Святополк станет ему вторым отцом, другом и опорой во всех начинаниях. Но не таков был новый киевский князь, и Борис жестоко поплатился за свою наивность.

В летописи говорится о тех страшных днях: «Между тем Святополк задумал незаконное дело, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: ”Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к тому владению, которое ты получил от отца“, но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить».

Однажды ночью Святополк появился в Вышгороде. Призвав Пушту и других богатых вышгородских бояр, он приказал им убить Бориса. Опасаясь немилости Окаянного князя, вышгородцы пообещали ему немедленно исполнить приказание.

Они явились на берег Альты на рассвете. Подойдя к шатру

молодого князя, они слышали мелодичный голос, неторопливо выводящий заутреню. Это Борис, узнавший о коварных замыслах брата, прощался с жизнью.

Летописец писал: «И, встав, начал он петь шестопсалмие: "Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня"; и еще: "Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною".

И еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою».

Увидев, что вышгородские бояре уже близко, Борис начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные... Скопище злых обступило меня», «Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня».

За псалмами последовали канон и молитва. В летописи говорится: «И сказал Борис, смотря на икону, на образ владыки: "Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание.

Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою».

В этот самый момент убийцы напали на безоружного князя. Несколько копий вонзилось в его тело, вскоре из ран по-

лилась алая кровь, но Борис еще был жив. Погиб лишь верный слуга, который, защищая князя, прикрыл его своим телом.

Раненого Бориса убийцы завернули в шатер, положили на телегу и повезли в Вышгород. Узнав, что младший брат еще жив, Святополк отдал приказание двум верным людям прикончить его. Вскоре один из посланных прислал Окаянному меч, которым он пронзил Бориса прямо в сердце.

Тем временем Святополк отправил с ложной вестью посла к другому своему брату, муромскому князю Глебу, еще не знавшему о смерти Владимира Красное Солнышко. Святополк просил Глеба немедленно приехать в Киев: «Отец тебя зовет: сильно он болен».

В сопровождении нескольких десятков дружинников муромский князь, послушный воле отца, отправился в Киев. В «Повести временных лет» говорится, что «когда пришел он на Волгу, то в поле запнулся конь его о яму и повредил себе немного ногу». Глеб был вынужден остановиться в местечке Смярдыне, неподалеку от Смоленска.

В то же время о смерти великого киевского князя и гибели Бориса стало известно среднему сыну Владимира I, новгородскому правителю Ярославу, прозванному в народе Мудрым. И послал он сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком».

Услышав горькую весть, опечалился Глеб и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы

мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один?

Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем в свете этом обманчивом жить».

Наверное, молитва Глебова была услышана Всемогущим. Вскоре у его шатра появились посланные Святополком люди с оружием в руках. Дружинники, испугавшиеся неожиданного натиска, покинули Глеба, оставив его наедине с врагами.

«Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба, – свидетельствует летописец. – Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка».

Так погибли братья Борис и Глеб, младшие сыновья славного князя Владимира. Однако судьба жестоко наказала их убийцу, Святополка Окаянного. Вскоре князь Ярослав Мудрый изгнал его из Киева.

Святополку пришлось долго скитаться по степям в поисках помощи. В 1017 году ему удалось собрать войско из печенежских, польских, немецких и венгерских ратников и вновь занять великокняжеский престол. Но его правление и на этот раз оказалось недолгим, вновь Ярослав Мудрый с по-

зором изгнал Окаянного из Киева.

Святополк

Согласно свидетельству летописцев, бежавший с поля боя Святополк умер где-то между Польшей и Чехией, сойдя с ума от мании преследования и бесконечных угрызений сове-

сти. Народ быстро забыл о жестоком Святополке Окаянном. А память о братьях Борисе и Глебе жива по сей день. Этот пример из русской истории – яркое напоминание о пагубности княжеской вражды.

В 1071 году, через несколько десятилетий после кровопролитных усобиц, Русская православная церковь канонизировала князей Бориса и Глеба. Их стали почитать как защитников родной земли.

Слабоволие правителя – гибель для государства

История, произошедшая в Мексике во времена правления Монтесумы, звучит совершенно невероятно для любого современного человека. К слову, она и соплеменникам Монтесумы казалась невероятной. Ну, скажите на милость, как мог какой-то испанский мерзавец с кучкой таких же, как он сам, солдат за весьма короткое время прибрать к рукам целую империю ацтеков? Конечно, можно понять растерянность ацтекских воинов, которые никогда не видели живую лошадь и не слышали выстрелов из мушкета. Но, какой бы ни была неожиданной диковинная вещь, к ней все равно можно быстро привыкнуть...

Залог успеха Эрнана Кортеса, испанского конкистадора, заключался не в том, что его воины были храбрыми и хорошо вооруженными, а в той силе, которая держала в страхе всех без исключения ацтеков, как простолюдинов, так и знать. Эта сила не позволяла аборигенам оказывать белым пришельцам отпор, а призывала покорно принимать все, исходящее от них. Эта сила имела обличье императора Монтесумы, который являлся наместником Бога на земле, а значит, и самим Богом.

Император был человеком слабохарактерным, слабоволь-

ным и, попросту говоря, трусоватым. Конечно, он был возмущен тем беспределом, который устроили испанцы на его земле, но, с другой стороны, он помнил, что древние пророчества говорили, мол, настанут времена, когда вернутся великие белые боги.

В связи с этим Монтесума велел пристально следить за пришельцами, но не делать ничего, что бы им повредило. Кроме этого, он посылал конкистадорам дары, а также советовался со жрецами и предсказателями.

А испанцы между тем продолжали прибывать. Монтесума предпринимал все, что мог, чтобы уйти от судьбы. Вначале он послал на переговоры с Кортесом своего племянника Какаму, который был вождем Тескоко, потом правителя Истапалапана Куитлауака. Исчерпав все свои возможности, Монтесума покорился тому, что считал неизбежным.

Вот как описывал город Истапалапан Берналь Диас: «В этом городе я увидел вещи небывалые, какие и во сне не могут привидеться... Большие и великолепные дворцы из камня, сады, пруды с пресной водой и множество иных диковин. Во фруктовые сады по каналу из озера могли заплывать большие челны... Я и не думал, что на свете могут быть такие земли, как эта, потому что в то время Перу еще не открыли, о нем никто даже и слыхом не слыхивал. А сейчас все это разрушено, разорено, заброшено, ничего не осталось от прежнего».

После многих дней похода конкистадоры подошли к гра-

ницам заветного города Теночтитлана, который был столицей империи ацтеков. У ворот города их встретил сам могущественный император, на которого никто из его подданных не смел даже глаз поднять. Кортес, конечно же, не ожидал такой пышной встречи.

Вот описание этой церемонии: «На Монтесуме были богатые одежды: плащ, украшенный драгоценностями, на голове надета легкая корона из золота, на ногах – золотые сандалии, с кожаными тесемками, украшенными драгоценными камнями. Четверо слуг несли паланкин, инкрустированный золотыми пластинами, балдахин которого был изготовлен из зеленых перьев и украшен золотом. Императора сопровождали 200 знатных вельмож, одетых в богатые одежды, но босых. Перед паланкином шли три сановника с золотыми жезлами в руках, которые они то и дело поднимали вверх, оповещая при этом народ о появлении державного правителя».

Испанцев ошеломила такая торжественность и пышность, а также блеск драгоценных камней и золота. Золото было повсюду: в короне, сандалиях, одежде, паланкине. Его было так много, что оно могло бы, кажется, удовлетворить любую алчную натуру. А владельцем всего этого богатства и великолепия был нерешительный, растерянный человек с не всегда понятными мотивами поведения. Конечно, Монтесума знал, что творится на огромных просторах его империи, потому что каждый день ему приносили бумаги с отчетами о происходящих событиях. Берналь Диас в своих дневниках за-

писал: «Император понял, что главной целью конкистадоров являются поиски золота». И Монтесума дал им золото. Но при этом вел себя очень нерешительно и непоследовательно. Он то демонстрировал враждебность по отношению к пришельцам, то заваливал их дарами, то отказывался встречаться с ними, то назначал аудиенцию.

Монтесума

В конце концов Кортес вынудил императора открыть испанцам городские ворота. Авантюристы вступили в столичный Теночтитлан.

Очень скоро испанцы захватили весь город: дворцы, сокровища и даже самого императора, который стал заложником в собственном жилище. Во дворце Монтесумы конкистадоры обнаружили потайную сокровищницу, ключи от которой они вскоре отобрали у императора. Практически все золотые украшения они переплавили в слитки, оставив только те из них, которые были особенно красивыми. В руках испанцев оказались три огромные кучи золота, дележ которого мог стать причиной раздоров, недовольства, зависти и ссор. Пока все эти чувства пришельцы держали при себе, но надолго ли?

Монтесуму охраняли днем и ночью, хотя и надели на него оковы. Подданных он принимал в присутствии охранников, храмы посещал в сопровождении 200 вооруженных испанских солдат. И хотя каждое такое посещение превращалось в пышную церемонию, с него не спускали глаз.

Родственники и друзья императора злились и кипели от возмущения, видя, как унижают их правителя. Монтесума старался успокоить их. Его ближайший родственник Куау-

попока атаковал расположившийся в Веракрусе испанский гарнизон во главе с Хуаном де Эскаланте, который оставил там Кортес. Между ацтеками и испанцами произошла ожесточенная схватка, в ходе которой было убито несколько испанцев и множество их союзников из племени тотонаков. Погиб и Хуан де Эскаланте. Один испанский солдат, как сказали про него ацтеки, «человек с большой, черной, курчавой бородой», был тяжело ранен и попал к ним в плен. Вскоре он скончался от полученных ран. Чтобы не везти к императору тяжелое тело, аборигены отрубили солдату голову и доставили ее Монтесуме. Тот, увидев такой жуткий подарок, пришел в ужас. Он не позволил принести голову в дар богам и выставить ее в одном из храмов Теночтитлана.

Кортес потребовал, чтобы император наказал тех, кто напал на его гарнизон в Веракрусе. И хотя Куаупопока говорил, что нападение было совершено по приказу Монтесумы, император выдал испанцам своего родственника и военачальника, а также одного из его сыновей и 15 знатных горожан, которые принимали участие в схватке. Испанцы вынесли из всех военных складов луки, стрелы, щиты, копья, соорудили из всего этого огромный костер, на котором и сожгли Куаупопоку и его соратников.

Произведя такой маневр, Кортес одним выстрелом убил двух зайцев: он обезоружил горожан и дал понять Монтесуме, что нужно быть покорным.

Правитель Тескоко и племянник Монтесумы – Какама –

решил отомстить пришельцам за все притеснения и унижения. Он обратился с этим предложением к своим соседям по землям. Когда соседи отвергли призыв Какамы, он собрал совет города, на котором большинством голосов было принято решение самостоятельно вести войну с испанцами.

Об этом решении мгновенно узнал не только Монтесума, но и Кортес. Император направил к Какаме послов, напоминая ему о дружбе и подарках, полученных во время первой встречи в Айоцинко. Какама просил послов передать императору такие слова: «Я не могу считать друзьями тех, кто отнял у меня честь, угнетает мою родину и оскорбляет мою религию». Ни одна из попыток Монтесумы заманить Какаму во дворец не увенчалась успехом. Тогда разгневанный император послал в Тескоко нескольких своих вассалов с приказом немедленно схватить мятежного касика и доставить его в Теночтитлан.

Резиденция Какамы находилась на берегу озера, что значительно облегчило вассалам выполнение возложенной на них миссии. Мятежный правитель был арестован и посажен в темницу. Вскоре за ним последовали правители Тлакопана, Тлателолько, Истапалапана и Койоуакана (правители последних двух городов были братьями Монтесумы). А малодушный и трусливый император ацтеков докатился до того, что даже признал себя вассалом короля Испании, хотя, согласно историческим документам, «испытывал столь великие страдания, что прослезился во время речи, обращенной

к народу».

Через полгода пребывания в Теночтитлане Кортес впервые покинул город. Он помчался в Веракрус, где высадился Панфило де Нарваэс, которого послал Диего Веласкес с приказом арестовать Кортеса как беглого мятежника. Своим заместителем в ацтекской столице Эрнан Кортес оставил Альварадо.

Через несколько дней после того, как уехал Кортес, авантюрист и бандит Альварадо решил повторить подвиг своего командира Кортеса в Чолуке. Он дождался, пока знатные местные жители в праздничных одеждах, украшенных драгоценностями, собрались в Большом храме для праздничного принесения молитвы богам. После этого он напал на них и устроил резню.

Бог Кецалькоатль

Обратимся к записям ацтекского летописца: «И вот, когда рассвело, ранним утром, открыли лицо Бога те, кто дал обет совершить это. Они расположились цепочкой перед идолом и начали воздавать ему хвалу... И вот уже вознесли его, поставили на пирамиду. И все мужчины, все молодые воины радостно готовились провести праздник... И когда все собрались, праздник начался, и открылся он пением и танцем змеи... И те, кто постился 20 дней, и те, кто постился целый год, шли во главе процессии... И вот уже все танцуют, поют, и одна песнь сменяет другую, мелодии накатываются одна на другую, словно волны, а в этот самый момент испанцы решают убить людей... Они закрывают все входы и выходы... чтобы никто не смог ускользнуть... Они окружают тех, кто пляшет, бросаются к месту, где играли атабали, накидываются с мечами на того, кто играл, и отрубают ему руки. Затем обезглавливают его, и далеко откатилась отсеченная голова. И тут все начинают колоть и рубить людей... Некоторые пытаются убежать, но у выхода их ранят и закалывают. Другие стараются взобраться по стенам, но не могут спастись... Иные спрятались среди погибших и притворились мертвыми, чтобы избежать страшной участи. Те, кто притворились мертвыми, спаслись. Но, если кто-то припод-

нимался или вставал на ноги, его тут же закалывали. Кровь воинов лилась ручьями, текла повсюду, словно вода, образуя лужи, и тошнотворный запах крови и распоротых внутренностей стоял в воздухе».

Узнав о резне, жители Теночтитлана подняли бунт. Они окружили дворец и не желали слушать своего императора, который вышел к ним в сопровождении Ицкуауцина и пытался успокоить разъяренную толпу. Но в толпе уже слышались воинственные возгласы и призывы к мщению, а вскоре на возвышение, где стоял император, посыпались стрелы. Испанцы закрыли Монтесуму и Ицкуауцина своими щитами.

После этого горожане закрыли рынок, чтобы испанцы не могли пополнять запасы пищи. Монтесума еще раз попытался успокоить подданных. Для этого он послал к ним своего брата Куитлауака, который до этого времени содержался во дворце императора в качестве пленника. Но пленник не вернулся во дворец, а встал во главе мятежного народа. Он с самого начала знал, какими будут последствия трусливой политики Монтесумы.

Головорезу Альварадо с небольшим отрядом солдат пришлось нелегко. Он не ожидал, что ацтеки взбунтуются, видимо, думал, что они и дальше будут безропотно сносить свое уничтожение. Опасаясь гнева Кортеса, 30 июня 1520 года Альварадо приказал убить Монтесуму. Через 4 дня после резни, устроенной в храме, горожане обнаружили трупы

Монтесумы и правителя Ицкуауцина, валявшиеся вдали от дворца, рядом со стеной.

После того как трупы были опознаны, императора отнесли в место, которое называется Кополько. Дальнейшее описывает летописец: «Положили тело Монтесумы на костер, зажгли огонь, и вот затрещало пламя, разбрасывая искры, и взметнулось ввысь длинными языками. И тело Монтесумы пахло горелым мясом, и пока оно горело, испускало зловоние. И пока оно горело, люди ругали его и смеялись. А другие люди бормотали что-то сквозь зубы, бормотали и покачивали головой».

Королевская «милость»

Томас Мор занимал должность канцлера Англии в период с 1529 по 1532 год. Когда к власти пришел Генрих VIII, он заставил Мора принести присягу. Мор должен был выказать верность Генриху как главе англиканской церкви. Но канцлер был католиком и признавал только церковную власть Папы Римского. Поэтому он отказался присягать королю Генриху VIII. Этот факт был расценен как государственная измена, Мора бросили в казематы Тауэра. Вскоре его осудили на смертную казнь. Вот что было написано в судебном приговоре по делу Мора: «Вернуть его (Томаса Мора) при содействии констебля Уильяма Кингстора в Тауэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту».

Уильям Кингстор был верным другом Томаса Мора, но он столь же искренне был предан королю. Исполнение долга Кингстор ставил выше личных чувств. Поэтому он выполнил приказ о сопровождении осужденного на смерть в Тауэр. Он трогательно, со слезами на глазах простился с Мором. Позже он рассказал сыну Томаса Мора Уильяму Роперу: «Честное

слово, мне было стыдно за себя. Уходя от вашего отца, я почувствовал такую слабость духа, что он, которого я должен был утешать, был столь мужествен и тверд, что сам утешал меня».

Дочь Мора, Маргарита Ропер, каждый день посылала в Тауэр свою служанку Дороти Колли, которая носила письма узнику и ответы от него. В последний день перед казнью Томас Мор вместе с письмом передал дочери свою власяницу и бич. В письме Мор прощался со своей семьей, посылал свое благословение, утешал их как мог. Он говорил о своем искреннем желании предстать перед Господом не позднее, чем завтра, т. е. 6 июля, в канун дня Фомы Кентерберийского и на восьмой день после праздника апостола Петра.

На рассвете 6 июля 1535 года в Тауэр приехал Томас Поп – служащий канцелярского суда и друг Мора. Поп сказал Мору, что его должны казнить в 9 часов утра. Еще он сообщил о «милости» короля: Генрих VIII заменил Мору мученическую смерть в Тайберне на отсечение головы.

Томас Мор

По одной версии, Мор спокойно выслушал сообщение Попа и поблагодарил короля за оказанную милость. По другой,

он с горечью воскликнул: «Избави, Боже, моих друзей от подобного королевского милосердия!» Даже враги и недоброжелатели Томаса Мора отмечали его необыкновенную твердость духа и мужество, с каким он готовился к смерти. Казалось, что он совсем не боится казни. Он находил в себе силы даже для шуток. Например, когда его доставили в Тауэр, один из служащих потребовал верхнюю одежду узника в качестве вознаграждения. Мор снял колпак и отдал со словами, что это самая верхняя одежда, которая у него есть.

В те времена на любую казнь собирались огромные толпы народа. Так было и в этот раз. Мор спокойно прошел мимо стоящих людей. Шел он очень медленно, потому что пытки и допросы, а также сырые казематы Тауэра отрицательно сказались на его здоровье. У Мора был изможденный вид и серый цвет лица. Тем не менее, когда он останавливался на короткое время, чтобы перевести дух, люди могли видеть, что в его серых глазах, как и прежде, светились мужество, твердость духа и даже юмор.

Дойдя до наспех сколоченного деревянного помоста, он сказал одному из тюремщиков: «Пожалуйста, помоги мне взойти, а сойти вниз я как-нибудь попытаюсь сам». Способность шутить была с ним до последней минуты. Король, убоявшись людского осуждения, запретил Морю обращаться с последним словом к народу. Генрих не без основания опасался, что народ поймет чудовищную несправедливость этой казни, являвшейся, по сути, убийством.

В связи с этим свои последние слова Томас Мор произнес, обращаясь к палачу: «Шея у меня коротка, целься хорошенько, чтобы не осрамиться».

Когда осужденный стал на колени и положил голову на плаху, он сказал: «Погоди немного, дай убери бороду, ведь она не совершала никакой измены». Через секунду голова Томаса Мора слетела с его плеч.

За что убивали королевских жен?

Приход к власти честолюбивых садистов вроде Калигулы, Ивана Грозного, Сталина или Пол Пота всегда знаменует собой массовые кровопролития и череду безжалостных казней, с помощью которых правители пытаются привести в повиновение возмущенных сограждан. Так уж повелось с давних времен, и удивляться этому не приходится.

Удивительно другое: ведь находятся люди, которые по прошествии ряда лет пытаются оправдать «подвиги» таких кровожадных исторических личностей государственной необходимостью или политической обстановкой.

Однако чем объяснить поведение английского короля Генриха VIII – одного из самых жестоких правителей в мировой истории? От его произвола и своеволия страдали не только люди из ближайшего окружения, но и члены королевской семьи, в том числе и жены.

Называя себя центром Вселенной, Генрих VIII искренне верил в свою исключительность. Более того, он полагал, что совершаемые им дела и поступки идут на благо государству, человечеству и любимому Генриху, следовательно, для достижения всех целей хороши любые, даже самые безумные средства. Вероятно, именно эта безграничная самоуверенность избавила короля от угрызений совести.

К тому времени, когда Генрих VIII впервые увидел моло-

дую и весьма привлекательную Анну Болейн, дочь и единственную наследницу герцога Норфолка, на его счету было уже большое количество загубленных жизней.

Король, в сердце которого разгорелась безумная страсть, решил завладеть красавицей. Однако избранница не отвечала ему взаимностью: ее не интересовал грузный, уже немолодой король. Сердце Анны принадлежало другому – старому другу, красавцу Генри Перси.

Но холодность девушки не остановила обезумевшего от любви Генриха, несмотря на то что к моменту знакомства с Анной Болейн король уже давно был женат. Семейная жизнь ему уже успела наскучить.

Стоит отметить, что законная супруга Генриха VIII, королева Англии Екатерина Арагонская, была гораздо старше мужа, ее в большей степени привлекали религиозные праздники, чем мирские развлечения. Король же был не прочь весело провести время, естественно, что нравоучения жены ему порядком надоели. При помощи Генриха родители разрушили романтические грезы Анны Болейн и Генри Перси. Юношу спешно женили на другой, Анна же оказалась под строгим надзором.

Ежедневные визиты короля будоражили воображение честолюбивой девушки. В своих мечтах она уже рисовала картины прекрасной жизни во дворце Генриха. Анна решила: раз уж ее лишили счастья с любимым человеком, то наградой ей станет королевская корона.

Вскоре девушка начала плести интриги: она заявила, что никогда не станет любовницей короля, завладеть ею он сможет, лишь сделав своей женой и королевой Англии. Обезумевший от страсти Генрих был согласен на все, лишь бы недоступная красавица стала его.

Попытка короля развестись с законной супругой не увенчалась успехом, Папа Римский не дал ему развода. Дело в том, что Екатерина Арагонская являлась испанской принцессой, и развод с ней послужил бы началом мирового скандала. К тому же от брака с Екатериной у Генриха была дочь, единственная наследница английской короны.

Король, привыкший получать все, что захочет, пребывал в дикой ярости. В его голове возникали безумные планы: начать крестовый поход против Рима, отравить законную супругу и т. п. Генрих был готов разрушить королевство, да что там королевство, он не пощадил бы весь мир ради Анны Болейн.

Хитроумный архиепископ Крамнер предложил королю свой план, согласно которому Генрих должен был разорвать отношения с Папой Римским и взять церковную власть в свои руки. Будучи тонким психологом, Крамнер воздействовал на психику Генриха, постоянно повторяя, что он помазанник Божий.

И король Англии решился на церковный раскол. Вскоре он провозгласил себя и свое государство независимым от папской воли – это дало ему право объявить свой прежний

брак незаконным, а единственную дочь незаконнорожденной.

Вскоре Генрих отослал бывшую жену и дочь в одно из отдаленных имений. Поступок отца оказал сильное влияние на робкую девочку. И не случайно из хрупкой принцессы выросла грозная королева Мария Тюдор, прозванная за свою жестокую политику Марией Католичкой или Марией Кровавой.

Развод Генриха в 1533 году и последовавшие за ним свадьба и коронование разрушили неприступные стены, возведенные Анной Болейн. Однако новая королева не учла того, что страсть недолговечна, довольно быстро она сменяется привычкой.

Уже через несколько месяцев после свадьбы Генрих перестал уделять молодой жене былое внимание, прелесть новизны в отношениях вскоре исчезла, и между супругами наступило охлаждение. К тому же через девять месяцев вместо долгожданного наследника Анна родила королю еще одну дочь (напомним, что первая была у него от первого брака), второй ребенок Анны и Генриха появился на свет мертвым.

Ненависть подданных, холодность супруга и дворцовые интриги – вот тот мир, в котором пришлось жить новой английской королеве.

Стоит отметить, что Анна Болейн не сумела даже завоевать симпатии народа, справедливо полагавшего, что имен-

но по милости второй супруги Генриха VIII казнили знаменитого писателя-гуманиста Томаса Мора, позволившего себе дать негативную оценку поступку короля.

Итак, жизнь Анны Болейн в королевских покоях была не такой уж безоблачной. Генрих, относившийся к постоянно болевшей после тяжелых родов супруге с высокомерным презрением, искал утешения у придворных красавиц. Вскоре он увлекся жизнерадостной черноглазой брюнеткой Джейн Сеймур.

Стремясь любыми способами избавиться от неуютной супруги, король невольно выставил себя на посмешище. Он обвинил Анну в том, что она нарушила обязательство родить ему наследника престола. Более того, усмотрев в этом кару Божью, Генрих заявил, что женился на Анне Болейн по наущению дьявола; следовательно, эта женщина никогда не была его законной супругой, и он в любое время может вступить в новый брак.

Жалобы Генриха на измены королевы вызывали лишь недоумение и смех придворных. Эта информация вскоре просочилась за стены дворца и стала известна иностранным правителям.

Так, французский посол Шапюи сообщал своему господину: «Король громко говорит, что более ста человек имели с его женой преступную связь. Никогда никакой государь или вообще никакой муж не выставлял так повсеместно своих рогов и не носил их со столь легким сердцем».

Практически все так называемые любовники Анны Болейн были посажены в Тауэр, однако вскоре по приказу милосердного Генриха их освободили. В заговоре против короля обвинили лишь лиц, арестованных раньше других.

Обвинение было предъявлено и королеве Анне: ей инкриминировалась преступная связь с музыкантом Смитоном, придворными Норейсом, Вестоном, Брертоном и, наконец, с ее братом Джоном Болейном, графом Рочфордом. Якобы некоторым из этих людей Анна обещала отдать руку и сердце (и, видимо, королевскую корону) в случае удачного свершения задуманного.

Заговорщикам ставилось в вину принятие подарков от королевы, частичная реализация преступных замыслов, направленных против жизни и здоровья короля, а также, что весьма любопытно, ревность друг к другу.

В последних строках обвинительного акта говорилось: «Король, узнав обо всех этих преступлениях, бесчестиях и изменах, был так опечален, что это вредно подействовало на его здоровье».

Тауэр и Тауэрский мост

Особого внимания и тщательности в рассмотрении требовал вопрос о хронологии воображаемых измен королевы. Малейшая неточность могла поставить под сомнение законорожденность дочери Анны, Елизаветы, а это, в свою очередь, повлекло бы жаркие споры о престолонаследии: сторонники испанской партии рассчитывали возвести на трон после смерти короля его дочь Марию, которую Генрих когда-то провозгласил рожденной вне брака.

В конце концов, король согласился с мнением большинства придворных, что будет весьма неприлично обвинять жену в неверности с первых дней совместной жизни. В этом случае Генрих просто-напросто лишался наследников: от первой дочери он отказался сам, а вторую могли бы признать ребенком Норејса, одного из обвиняемых.

Была проделана большая работа над датами, целью которой являлось утверждение законности рождения Елизаветы. Все мнимые супружеские измены судьи отнесли ко времени, когда Анна родила мертвого ребенка.

12 мая 1536 года состоялся судебный процесс по делу Норејса, Брертонa, Вестона и Смитона. Против них не имелось никаких улик, если не считать полученных под угрозами показаний Смитона, однако, сообщая о своей связи с королевой, этот человек отрицал намерение убить Генриха.

Тем не менее суд, состоявший из людей, ненавидевших королеву, вынес свое решение: все обвиняемые были приговорены к квалифицированной казни, состоявшей из нескольких этапов, – повешения, снятия еще живыми с виселицы, сожжения внутренностей, четвертования и обезглавливания. Здесь стоит упомянуть о «милости» короля: квалифицированную казнь дворянам заменили обезглавливанием.

Отсутствие прямых доказательств вины преступников вынудило Генриха отдать приказание судить Анну и ее брата Джона не судом всех пэров, который мог бы оправдать неугодную королю супругу, а специальной комиссией, состо-

ящей из представителей враждебной семейству Болейн придворной партии.

Помимо перечисленных в обвинительном заключении преступлений, королева признавалась виновной в том, что вместе с братом издевалась над венценосным супругом, поднимая на смех его приказания (речь, видимо, шла о критической оценке, даваемой Анной и Джоном литературным творениям короля).

Процесс явился лишь игрой, в которую решил напоследок поиграть Генрих. Приговор зависел от его королевской воли: сжечь ли Анну на костре как ведьму или казнить путем обезглавливания. По распоряжению Генриха казнь королевы должна была состояться через два дня после суда над Джоном Болейном. Эта отсрочка объяснялась лишь желанием короля получить развод.

Через 12 часов после объявления о расторжении брака Генриха VIII с Анной Болейн в Тауэр поступил приказ, в котором сообщалась дата казни бывшей королевы. На следующий день печальное событие свершилось. Выступая перед собравшимися с предсмертной речью, Анна проявила необыкновенное великодушие к своему палачу, в ее словах не было ненависти.

«Я не обвиняю никого, – сказала бывшая королева. – Скоро меня не станет, но вы не забывайте, что я чтитла нашего доброго короля, который был милостив ко мне. Вы будете счастливы, если Господь даст ему долгую жизнь, так как он

одарен многими хорошими качествами: страхом перед Богом, любовью к своему народу и другими добродетелями, о которых я не буду упоминать».

Казнь Анны можно назвать экспериментальной. В то время как в Англии обезглавливание производили секирой, во Франции пользовались мечом. Генрих решил воспользоваться опытом французов и опробовать его на собственной жене. Однако в Англии достаточно компетентного в этом деле человека найти не удалось, пришлось выписывать специалиста из Кале.

Палач, доставленный на казнь, прекрасно знал свое дело: один взмах меча – и голова Анны Болейн упала с плеч. Узнав о том, что дело сделано, король, в нетерпении ожидавший казни бывшей супруги, весело воскликнул: «Дело сделано! Спускайте собак, будем веселиться!» Вскоре начался пир на костях. Тело казненной еще не успело остыть, когда Генрих VIII сыграл свою третью свадьбу. На этот раз его супругой стала Джейн Сеймур, роман с которой начался у короля еще при жизни Анны.

Новая королева избежала печальной участи предыдущей супруги. Ей посчастливилось умереть естественной смертью во время родов. От этого брака у Генриха остался наследник, будущий король Эдуард VI.

Вскоре после смерти третьей жены у Генриха появилась новая фаворитка, Анна Клевская. Супружеская связь этой пары оказалась на удивление кратковременной: король, ис-

пуганный малопривлекательной внешностью Анны, щедро одарил ее и выслал из столицы.

Пятой женой Генриха VIII стала Екатерина Говард, двоюродная сестра Анны Болейн. Видимо, родственные связи проявились не только во внешнем сходстве, но и в печальной судьбе обеих королев.

Юная Екатерина Говард, занявшая королевский трон и возымевшая влияние на своего пожилого супруга, сильно мешала архиепископу Крамнеру, потому что дядя Екатерины, герцог Норфолк, призывал новоиспеченную королеву к прекращению проведения церковных реформ, бывших основным источником доходов для архиепископа.

Не желая раньше времени раскрывать свои коварные замыслы, Краммер и его сторонники лицемерно выказывали почтение Екатерине Говард. Их ожидание не пропало даром.

В октябре 1541 года врагам королевы предоставилась счастливая возможность очернить венценосную особу в глазах ее мужа Генриха.

Один из мелких придворных служащих по фамилии Ласеле донес Крамнеру, что Екатерина долгое время находилась в любовной связи с неким Френсисом Дергемом. Ласеле утверждал, что получил эти сведения от своей сестры, служившей на протяжении ряда лет няней у старой герцогини Норфолк. Еще один человек, некто Мэнокс, сообщил, что видел на интимном месте тела королевы родинку.

Вскоре Крамнер, канцлер Одли и герцог Хертфорд рас-

крыли глаза ревнивому мужу на преступления его молодой супруги. Заметим, что данная информация поступила к королю в письменном виде, поскольку клеветники «не имели мужества устно сообщить ему об этом».

Для решения возникшей проблемы собрался государственный совет. Все виновные, в том числе Мэнокс и Дергем, подверглись аресту и допросу с пристрастием. Никто даже не осмелился подумать, что грехи королевы были лишь невинной забавой по сравнению с предшествующей, чистой, жизнью самого Генриха.

Двадцатилетняя Екатерина была шокирована свалившимся на нее несчастьем. Она прекрасно помнила, что стало с ее сестрой, обвиненной королем в супружеской измене. В этот момент Екатерину и навестил архиепископ Крамнер.

Обещая похлопотать за нее перед Генрихом, он вынудил молодую королеву признаться в связи с Френсисом Дергемом. Тем временем нужные показания были выпитаны у ее любовника и Мэнкса, видевшего родинку.

Через несколько дней на заседании совета полученные сведения огласили. Потрясенный Генрих молча выслушал все сказанное, а потом неожиданно для всех разразился бранной тирадой. Этот крик ревности и злобы предрешил участь всех обвиняемых.

Однако не только король поверил Крамнеру и его сообщникам. Известно, что старый герцог Норфолк со слезами на глазах и с болью в сердце рассказывал о горе короля фран-

цузскому послу Марильяку. Он утверждал, что его племянница «занималась проституцией, находясь в связи с семьей или восемью лицами».

Тем временем арестовали еще одного человека, некоего Келпепера, бывшего жениха Екатерины Говард (она собиралась выйти за него замуж еще до знакомства с Генрихом). Обвинение, предъявленное Келпеперу, основывалось на послании, написанном ему Екатериной уже после того, как она стала королевой.

Дергему и Келпеперу был вынесен смертный приговор. В ходе перекрестных допросов, продолжавшихся в течение 10 дней после объявления арестованным их дальнейшей участи, судьям не удалось узнать ничего нового.

Просьба Дергема о простом обезглавливании осталась без внимания: король посчитал, что этот человек не заслуживает подобной милости. Однако снисхождение было проявлено к Келпеперу. Вскоре состоялись казни.

Настал черед королевы. В этот трагический час семья отвернулась от нее. Герцог Норфолк даже отослал письмо Генриху, в котором выражал королю сочувствие. Его не заботила судьба юной Екатерины, он думал только о себе.

Герцог писал: «После отвратительных деяний двух моих племянниц Его Величеству будет противно снова услышать что-либо о моем роде, но обе преступницы не питали ко мне особых родственных чувств, поэтому я осмеливаюсь просить о сохранении вашего королевского благорасположения, без

которого я никогда не буду иметь желания жить».

Через несколько дней парламент, послушный воле Генриха, принял обвинительное постановление, согласно которому королева подвергалась аресту и переводилась в Тауэр.

13 февраля 1542 года состоялась казнь Екатерины Говард, пятой жены Генриха VIII. Перед смертью она призналась, что всю жизнь любила Келпепера и хотела быть его женой больше, чем королевой. Женщина выразила искреннее сожаление по поводу того, что стала невольной причиной его гибели.

Но, прежде чем произнести признание, Екатерина сказала: «Я не нанесла вреда королю». Похоронили эту двадцатилетнюю женщину рядом с Анной Болейн, первой жертвой дикой ревности Генриха VIII.

Путь конкистадора

Франсиско Писарро родился в 1478 году. Годом его смерти считается 1541. Жизнь его была наполнена приключениями. За 63 года он смог принять участие в завоевании Перу, а также захвате и уничтожении страны инков, которая носила загадочное название Тауантинсуйу. Кроме того, Писарро считается основателем семи городов, в число которых входит и Лима.

Благодаря памятникам письменности стало известно, что Франсиско Писарро родился в небольшом городе Трухильо, что в провинции Эстремадура. Франсиско был незаконнорожденным ребенком. Родителями его были дон Гонсало Писарро, которого в округе звали Высокий, и Франсиска Гонсалес, дочь местного крестьянина. Знатный титул был пожалован дону Гонсало незадолго до рождения внебрачного сына. До того это был обычный солдат, каких много тогда состояло на службе в королевской армии.

Необходимо сказать, что родившийся мальчик был не нужен ни матери, ни тем более отцу. А потому он воспитывался на улице, играя с местными мальчишками в какие-либо игры. Изредка маленький Писарро занимался тем, что пас свиней или овец. Вероятнее всего, те картины природы, которые он видел в детстве и ранней юности, и заставили Франсиско мечтать о беззаботной жизни, авантюрах и веселых приключе-

чениях.

Историки полагают, что Франсиско Писарро покинул свой родной городок в возрасте 19 лет. Он сразу же устроился на службу в испанскую армию, которая воспитала в юноше настоящий, волевой и целеустремленный характер.

В 1502 году Франсиско Писарро был уже не желторотым новобранцем, а достаточно опытным солдатом. Таким его и отправили в Южную Америку. Испанская армия тогда предприняла военное наступление на остров Эспальола (сегодня он носит название Гаити), где уничтожала поселения индейцев.

Спустя некоторое время Франсиско Писарро оказался в отряде знаменитого тогда Алонсо де Охеде. Именно он пользовался у испанских солдат особенной популярностью, поскольку одним из первых разработал тактику и стратегию нападения на села аборигенов. Во всех военных испанских отрядах ходили легенды о том, как солдаты де Охеде побеждают коренных жителей Южной Америки, оставляя после своего ухода горы растерзанных трупов.

В 1513 году Франсиско Писарро познакомился с Васко Нуньесом де Бальбоа и вместе с ним предпринял попытку пересечь Панамский канал. С того времени Тихий океан стали считать испанскими владениями. Позже пересечение Писарро и де Бальбоа Панамского канала вошло в историю под названием «первого отважного похода в погоне за Большим призом». «Большой приз» – именно так испанцы окрестили

Южную Америку, завоевать которую они стремились, вероятно, со дня сотворения мира.

Основание известного сейчас каждому жителю земли города Панама произошло, как уверяют историки, в 1519 году. Одним из первых там поселился Франсиско Писарро. К тому времени это был уже сорокалетний мужчина, который пользовался у сограждан большим уважением и владел несметным, как полагали многие, богатством. Тогда он был владельцем большого поместья, и на его обширных плантациях работали индейцы-рабы. Спустя некоторое время Франсиско Писарро был назначен губернатором Панама.

Однако кровь буквально бурлила и закипала в жилах Писарро, который, казалось, с самого рождения жаждал невероятных приключений. Необходимо заметить, что в начале XVI столетия уже более 200 000 испанцев смогли пересечь Атлантический океан и поселиться в Южной Америке.

Среди тех, кто оказался на соседнем континенте, было немало представителей испанского дворянства, ищущих в чужой земле славу и богатство. Но не только они покидали в то время родную Испанию. Среди эмигрантов были и люди других сословий, а именно: купцы, жаждавшие поймать удачу за хвост в другой стране, ремесленники, которые на родине оказались не у дел, а также многочисленные монахи, решившие посвятить остаток своей жизни одиночеству и скитаниям по чужой земле.

Среди таких искателей новой жизни и приключений ока-

зался и Франсиско Писарро, губернатор Панамы. Что повлияло на его решение оставить спокойную жизнь в достатке и пуститься в дальнее и весьма небезопасное плавание, до сих пор остается загадкой для многих историков. Вероятнее всего, причиной тому служил его беспокойный и неутомимый характер. Подтверждением этому являются и рассуждения биографов Писарро, которые не раз говорили о его увлечении азартными играми, как то игра в кости, кегли и пелоту (бакская национальная игра в мяч).

Но, несмотря на свой авантюрный характер, Писарро все же нельзя назвать неосмотрительным и легкомысленным человеком. Только две страсти могли заставить его забыть об осторожности. Это военные походы и путешествия, которые неизменно приносили ему славу.

Итак, в 1524 году Франсиско Писарро начал подготовку к долгому плаванию по Атлантике в поисках Южной Америки. Прежде всего необходимо было купить судно. Однако имеющихся у Писарро денег не хватило бы даже на то, чтобы выкупить паруса с мачтами. Тогда он решил обратиться за помощью к своим давним друзьям, Диего де Альмагро и священно-служителю Эрнандо де Луке. Рано утром 14 ноября 1524 года корабль двинулся в путь по морским просторам в направлении Южно-Американского континента.

Это была первая исследовательская экспедиция, которую организовал и возглавил знаменитый Франсиско Писарро. Однако мечте мореплавателя тогда не суждено было испол-

ниться. Попасть в Южную Америку Писарро смог только спустя четыре года, в 1528 году. После того как корабль пересек линию экватора, Писарро велел капитану вести его к берегу. Так команда путешественников оказалась на неизведанном континенте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.